

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ЛАССЕ-МАЙИ,

рассказанные им самим

BLACK SHEEP BOOKS

ellon
11 11

Ларс Мулин

**Невероятные похождения Лассе-
Майи, рассказанные им самим**

«Белая ворона/Albus corvus»

1833

Мулин Л.

Невероятные похождения Лассе-Майи, рассказанные им самим /
Л. Мулин — «Белая ворона/Albus corvus», 1833

ISBN 978-5-00114-590-5

Вора и авантюриста, прозванного «Лассе-Майя», в начале XIX века знала вся Швеция. За свои многочисленные уголовные подвиги Ларс Мулин – ибо таково было его подлинное имя – в конце концов угодил в тюрьму и написал там мемуары, остроумные и увлекательные, как плутовской роман, запечатлев в них современные ему быт и нравы, в том числе и арестантские. Популярность этих без конца переиздававшихся воспоминаний надолго пережила автора: еще в середине 1930-х годов в провинции, согласно одному из свидетельств, читали «в основном Лассе-Майю да Библию». Надпись на мемориальном камне, установленном в честь Лассе-Майи, гласит: Колыбель его – Рамсберг, Арбуга – могила. А память о нем – в протоколе суда. При оформлении обложки использовано изображение Ларса Мулина с обложки издания 1834 года, на котором тот запечатлен «в возрасте 45 лет в Карлстенской крепости».

ISBN 978-5-00114-590-5

© Мулин Л., 1833

© Белая ворона/Albus corvus, 1833

Содержание

От российского издателя	6
Глава I	11
Глава II	12
Глава III	13
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	18
Глава VII	20
Глава VIII	21
Глава IX	24
Глава X	27
Глава XI	29
Глава XII	31
Глава XIII	33
Глава XIV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ларс Мулин

Невероятные похождения Лассе-Майи, рассказанные им самим

Текст печатается по изданию Albert Bonniers förlag, Stockholm 1916.

Lars Molin

Lasse-Majas besynnerliga öden.

Av honom själv berättade

© Ольга Вронская, перевод на русский язык, комментарии, 2025

© Татьяна Кормер, оформление обложки, 2025

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2026

От российского издателя

Перед вами – первая русскоязычная публикация подлинных воспоминаний знаменитого в свое время шведского вора и авантюриста, написанных им самим во время пожизненного заключения в Карлстенской крепости. Ларс Мулин (1785–1745) получил прозвище Лассе-Майя за то, что нередко действовал, переодевшись в женское платье и выдавая себя за женщину, что с точки зрения лютеранской морали в Швеции начала XIX века уже само по себе считалось неприемлемым и скандальным.

Однако в народе отчаянного Лассе-Майю полюбили. Он стал героем анекдотов и карикатур, его именем называли гостиницы и рестораны, оно сделалось, что называется, мемом, и даже название детективного агентства «Лассе & Майя» в современной шведской детской книжной серии Мартина Видмарка и Хелены Виллис явственно отсылает к достопамятному господину Мулину.

Помимо увлекательной истории самого Лассе-Майи, которую с полным правом можно сравнить с плутовским романом, для нас воспоминания его представляют собой своего рода энциклопедию шведской жизни первой трети XIX века. Они изобилуют множеством редких и любопытных деталей и подробностей. Здесь и крестьянский быт, и жизнь привилегированных сословий, и положение женщины, довольно независимое для той эпохи, и существовавший тогда довольно жесткий полицейский паспортный контроль. В связи со всем этим мы сочли целесообразным снабдить книгу комментариями, которые помогут лучше представить себе атмосферу описываемых событий.

Мемуары Мулина выдержали пятьдесят переизданий в XIX веке и еще полдюжины – в первой трети XX века. И все это время считались самым популярным чтением в шведской провинции наряду с Библией. Причем текст в этих изданиях несколько варьируется, вероятно в зависимости от господствующих читательских предпочтений. Нами выбран наиболее благопристойный из всех вариантов.

Данный перевод сделан по изданию: Lasse-Majas besynnerliga öden. Av honom själv berättade. Albert Bonniers förlag, Stockholm, 1916. Сквозной текст ради удобства чтения разбит нами на главы и снабжен соответствующими подзаголовками, как это было принято в подобных хрониках и романах XIX века.

Титульный лист шведского издания 1916 года

Единственный достоверный прижизненный портрет Лассе-Майи, эта литография 1836 года впервые была опубликована во втором издании его мемуаров с уточнением «Рисовано с натуры»

Den byrlöse Äfventyraren

eller

Den Riksbekante

Lasse-Majas

(hvars rätta namn är Lars Molin)

befynnerliga öden och lefnadshändelser,

under dess villade bana från hans barna-år till år 1813
då han i följd af begångna förbrytelser blifvit
enligt Kongl. Swea Hovrätts utslag dömd och
förslad till Marstrands fästning Carlsten,
på lifstids fångenskap.

Af honom sjelf berättad.

För andra gången upplagd,
med tillägg om hans nuvarande wistelse, sedan han,
genom Kgl. Maj:ts Nåd år 1838 frigafs.

Med ett porträtt af Lasse-Maja.

Stockholm,
på A. Bonniers förlag.

Титульный лист издания 1840 года «Беситанный авантюрист, или Удивительные похождения и житейские превратности повсеместно известного Лассе-Майи (чьё подлинное имя – Ларс Мулин)»

Глава I

Мое рождение и предопределенность моей судьбы. – История моей семьи. – Обучение грамоте

Старые гадалыщицы утверждали, что знак, под которым я родился, будто бы предопределил мою дальнейшую судьбу. Что же это был за знак такой? *Овен*? Вряд ли я похож на тупого барана. *Телец*? Сиречь бык – тягловая скотина, это тоже ко мне не относится: ибо не для подневольного труда появился я на свет божий. *Стрелец* тоже не мой знак, никогда не лежала у меня душа к охоте. Может, *Козерог*? Нет, поскольку я сильно уступаю ему в проворстве. И уж тем более не *Водолей*, отродясь не было у меня склонности к чрезмерным возлияниям. *Рак* скорее мне подходит, ибо все мои самые хитроумные замыслы выходили задом наперед. *Дева*! Как же я ее-то упустил? Именно длинный девичий наряд прославил меня на весь свет и за обликом барышни помог скрываться лукавому пройдохе. Кабы не проклятая черная щетина, я бы и сейчас за разбитную безмужницу сошел.

Ну, а если ближе к делу, родился я не в крестьянской избе, по рождению я принадлежу к более высокому сословию: мой отец был из числа почтенных горнозаводчиков, и в свое время его уважительно величали «господин патрон». Умер он, когда мне было восемь лет, и оставил мне в наследство свой титул, однако тот не принес мне ни малейшего прока и пропал впустую, как это водится за патронами, ежели те холостые. За три года судебных тяжб заимодавцы отобрали мою матушку до нитки, однако ей посчастливилось вновь обрести супруга и покровителя. Мне было одиннадцать лет, когда я первый раз подошел к ручке новоявленного моего батюшки. Пришлось мириться с привнесенными им методами воспитания, от которых порой трещал мой чуб, даже если я всего лишь по неосторожности опрокидывал тарелку за столом. Телесные мои экзерциции не прекращались, так как я то и дело участвовал в побоищах с другими мальчишками и нередко покидал поле боя израненный и окровавленный. Мне предсказывали, что из меня выйдет добрый солдат.

Но вот пришла пора ученья. Случилось это скорее поздно, чем рано, ибо занятие оное было противно душе моей. Я прибегал ко множеству уловок, лишь бы избежать этой участи. Наш пастор должен был обучить меня грамоте и наставить, как отвечать на вопросы, задаваемые в день конфирмации. Но, увы, мои родители были жестоко обмануты: потому что, выйдя утром из дома с немалым мешком провизии, которую собрала мне матушка, я встретил кое-кого из своих товарищей, и они мне сказали:

– Идем лучше с нами, Лассе, с нами повеселее будет, чем с пастором.

Дважды приглашать меня не пришлось. Я развернулся и отправился с товарищами, мне дали колоду карт и осведомились, не желаю ли я поучиться грамоте по такой книге. «Еще как желаю!» – прочитали они в моих загоревшихся глазах. Я сразу же запомнил трефового валета и проникся беззаветной любовью к картам. Домашние мои долго не подозревали обмана. Неделя незаметно пролетела в этой честной компании. Дома меня спрашивали, чем со мной занимается пастор. Я отвечал, что пастор меня учит читать и я уже изрядно в этом преуспел. А на самом деле мое ученье состояло в том, чтобы угадывать карты на руках у моих товарищей, и эта наука стоила мне потери всех монет, каковые до той поры водились в моих карманах.

Глава II

Разоблачение обмана. – Вероломство друзей

В воскресенье родители мои отправились в церковь, и пастор озадачил их вопросом:

– Никак Лассе захворал? Я не видел его ни разу за всю неделю.

Родители, понятно, опечалились, они рассказали пастору, как Лассе каждый день уходил из дома, и они были уверены, что он в соответствии с договоренностью обучался у него грамоте. Батюшка с матушкой попросили господина пастора пожаловать на воскресный ужин. Я предвидел, что мой обман неизбежно вскроется, поэтому заблаговременно ретировался на сеновал и в щели наблюдал оттуда возвращение родителей вместе с пастором. Первым делом пастор полюбопытствовал, где Ларс. Меня стали громко кликать: «Ларс! Дитя мое!» Однако Ларс был не такой простак!

Стемнело, и пастор уехал восвояси. Но тут подобралась новая напасть, а именно голод. Я прокрался на чердак, набрал там съестных припасов, взял штоф водки да поскорее вернулся в свое убежище, где время тянулось мучительно долго. Следующей ночью вновь предпринят был набег на кладовую, и, конечно, опять я прихватил штоф водки. Мне вспомнились не оправдавшие себя впоследствии слова управляющего господским именем: «Нынче ты угостишь товарищей, зато в другой раз они напитают тебя под кровом своим». Я взял угощение и направился прямо к тем самым товарищам, туда, где они имели обыкновение собираться. На мой громкий стук дверь тотчас отворили.

– Где ты пропадал, Лассе? – удивились друзья. – Тебя все искали. Заходи!

Я выложил перед ними все, что мне удалось стащить из родительской кладовой, снесь пришлось по вкусу моим товарищам, а в особенности штоф водки, они то и дело к нему прикладывались, покуда он не опустел.

Мы улеглись спать, а наутро я впервые изведаль, сколь коварен мир, в котором я живу. Те, что накануне пили мое вино и клялись в вечной дружбе, препроводили меня домой и предали в руки родителей. Сломленный, принял я свой жребий; приговор был таков: ежели я впредь хочу избегать порки, надобно слушаться родителей. А в утешение добавили: дескать, из дому тебя никто не гонит, но пора уже пособлять по хозяйству.

Глава III

Мое взросление. – Доступ к родительскому наследству

Я рос, и жизнь моя изобиловала весельем. Если не танцы, то игры, если не игры, то пирушки на лужайке. Иногда приходилось красть родительскую водку, чтобы попотчевать дорогих друзей; в карточной игре достиг я изрядного мастерства, хоть и стоило мне это ощутимых денежных потерь и участия в бесчисленных драках. Со временем наладился и источник дохода: кроме одного или пары четвертаков, что удавалось стянуть у матушки, батюшке тоже, без его, правда, ведома, пришлось тряхнуть мошной. А наши достопочтенные соседи тем временем не гнушались покупать у меня родительское зерно, когда удавалось мне до него добраться. Этаким манером немало нашего зерна перекочевало в соседские закрома. Но все это можно считать за детские шалости. Настоящие подвиги были еще впереди. Так прошло несколько лет, и начал я засматриваться на девушек.

Мне минуло шестнадцать лет, и друзей у меня водилось хоть отбавляй. Был среди них и бедный кузнец, которого я, почитай, спасал от голодной смерти. Он-то и преподал мне первые уроки воровского искусства.

Родителям моим досталось наследство от матушкиных родителей. Сорок мешочков, набитых серебряными риксдалерами, медный котелок, наполненный серебряными монетами меньшего достоинства, и несколько пачек бумажных ассигнаций. Батюшка с матушкой при мне их пересчитывали. Ах! Блеск этих дивных монет стоял у меня перед глазами. Деньги хранились в шкафу, а ключ от шкафа батюшка держал при себе. Товарищи беспрестанно спрашивали меня, не придумал ли я способа добраться до этих вожаделенных монет. Но куда там!

И вот мой друг-кузнец вызвался мне помочь. Он научил меня взять кусок плотного теста и сделать оттиск ключа, тогда кузнец сможет изготовить такой же. Я сделал все, как он велел, и кузнец вручил мне новенький ключ, точь-в-точь батюшкин.

Теперь денежки у меня не переводились. Я взял по несколько ассигнаций из каждой пачки, перво-наперво щедро отблагодарил кузнеца и с той поры являлся в любую компанию с гордо поднятой головой. Серебряной мелочью из котелка тоже не пренебрегал. Я и риксдалеры таскал по малости из каждого мешочка и прятал их в тайнике, который устроил в старой подвальной стене. Долго я жил припеваючи, пока не обнаружил, что мешки с монетами заметно полегчали. На беду, в один из дней обронил я кузнецов ключ. Батюшка, нашед его, подивился, кто бы это мог обронить такой красивый ключ. Принялся он совать его во все замочные скважины, и ключ аккурат подошел к шкафу с деньгами.

Однако наличия магнетического притяжения между деньгами и ключом батюшка тогда и не заподозрил.

Глава IV

Пропажа денег вскрылась. – Коварная гадалщица. – Бегство. – Временное прибежище в доме торпаря¹

Спустя недолгое время приехала к нам в гости матушкина сестра, моя тетушка. Выдающаяся была женщина, с мужским нравом и повадками, носила охотничий наряд, была отличной наездницей, стреляла дичь и предавалась занятиям, более свойственным сильному полу, нежели слабому. Она спросила батюшку, успел ли он уже поменять серебряные монеты. Когда же батюшка ответил, что до сей поры у него еще руки не дошли, она посоветовала не медлить с этим, так как сейчас самое время: нынче менялы хорошую цену за них дают. Матушка принесла большой оловянный поднос, и батюшка выложил на него денежные мешки. «Я пропал, сейчас все раскроется», – мелькнуло у меня в голове. Батюшка проверил один мешочек и был обескуражен: в мешочке не доставало четырех риксдалеров; батюшка повторно пересчитал деньги, итог был тот же. В другом мешке не хватало трех риксдалеров; батюшка покачал головой, но ничего не сказал. В конце концов обнаружилась убыль в каждом мешке. Тогда батюшка взялся за пачки ассигнаций; но и в них также обнаружился недобор.

Батюшка предался размышлениям; он справедливо вывел, что в шкаф с деньгами навесывался кто-то из своих, а не какой-нибудь залетный архиплут: тот не стал бы отщипывать по кусочку – унес бы все разом, а наш вор всегда находился подле денег. Тут батюшка вспомнил про ключ и учинил дознание, он допросил домочадцев, всех до единого, но до правды так и не докопался.

Тогда батюшка решил прибегнуть к иному способу. Он призвал старуху, известную даром ясновидения. Она немедля явилась на зов и изрекла следующее:

– В доме приключилась пропажа денег, но эта беда поправимая. Подайте мне кофею, и я выведу вора на чистую воду. Он должен быть где-то здесь. – При этих словах она остановила взгляд на мне.

«Старая ведьма! – подумал я. – Как ты узнала, кто прикарманил денежки?» Я густо покраснел, тем себя и выдал. Больше старуха ничего не сказала, однако я подстерег ее, когда она отлучилась из горницы, и бросился к ней с мольбой:

– Матушка, ежели вы знаете больше, чем знают они, сделайте милость, не выдавайте вора!

На счастье, при мне было три риксдалера, я вложил их ей в руку, сказав, что это только задаток. Старуха усмехнулась лукаво:

– Знаю, что это твоя работа. Но не беда, я тебе помогу.

Старухе принесли кофею, собрались все обитатели усадьбы. Напившись кофею, старуха выплеснула из чашки подонки на блюдце и стала читать по кофейной гуще. Все затаили дыхание, боясь пропустить хоть слово. Она еще раз опрокинула чашку, и наконец говорит:

– Вижу, вор ваш сейчас здесь, в горнице.

Я покраснел до корней волос. Она в другой, третий раз перевернула чашку, да и не чашка это уже была, а сосуд правды. «Неужели у старой ведьмы хватит подлости показать на невиновного?» – подумал я, мне и в голову не могло прийти, что, приняв мзду в три риксдалера, она выдаст меня и глазом не моргнет. А старуха тем временем говорит:

– Вор в горнице, вон он, у самой двери, – и указывает на меня.

«Ага, – подумал я, – вот как дело обернулось, пора убираться подобру-поздорову», – и шасть в дверь! А куда бежать, не знаю. Первым делом подался в лес. Видать, всех в горнице

¹ ...в доме торпаря. – Торпарем в Швеции назывался арендатор торпа – крестьянской усадьбы с небольшим участком земли, сдаваемой владельцем внаем под земледелие.

сковал ужас, потому как погнались они за мной не вдруг. Скоро, однако, сколотили они ватагу и пустились за мной следом. Лес, где я укрылся, был невелик, изловить меня в нем ничего не стоило, если бы не моя природная смекалка.

Как лис, притаился я в кустах, но когда увидел приближавшихся по полю людей, меня обдало жаром, уши вспыхнули. С другой стороны тоже надвигалось деревенское воинство. Я оказался меж двух огней. Мне не оставалось ничего другого, как вскарабкаться на ближайшую ель и спрятаться среди ее мохнатых лап. Преследователи несколько раз прошли мимо моего укрытия, и я слышал их разговор: «Не иначе он оборотень, а то бы мы давно уже его схватили». Глупцы, ни один из них не додумался задрать голову и посмотреть на верхушки деревьев, невдомек им было, что оборотень превратился в птицу. Не стоило удивляться тому, что они хотели поскорее поймать меня, иначе под подозрение в воровстве попадали работники нашей усадьбы.

С приближением вечера толпа рассеялась, и я смог наконец спрыгнуть со своей ветки на землю. Голод давал о себе знать, но где же было раздобыть пищу? Прячась, я побежал к дому, но на подступах к нему стояли караульщики и поджидали моего возвращения. Они чуть было не схватили меня, но быстрые ноги спасли меня и на этот раз.

Внезапно мне на ум пришел мой друг кузнец. Но и у его дома стояли дозорные. Я счел за лучшее поскорее дать оттуда стрекача. И тогда отправился я во двор местного торпаря; крадучись, таясь за углами дома, я убедился в том, что нет ничего подозрительного, и лишь тогда решился постучать в дверь. Мне отворила хозяйка, жена торпаря, и впустила в дом. Она хотела было зажечь свечу, но я остановил ее, потому что вся округа кишела ищейками. Мы договорились с хозяевами, что они спрячут меня на несколько дней и получают от меня хорошее вознаграждение. Недаром у меня в стене нашего подвала хранился клад. Я намеревался в самом скором времени пробраться к нему и выгрести его содержимое.

Глава V

Майя – дочь торпаря. – Примерка женского платья. – Первые шаги в женском облике. – Благодаря счастливому случаю я становлюсь горничной в господском доме. – Назойливый жених

У торпаря была дочь по имени Майя, чрезвычайно предупредительная, а по отношению ко мне, так особенно; она обихаживала меня, как почетного гостя, хоть я и квартировал не в доме, а в сарае, ибо не было для меня о ту пору места надежнее.

Майя сделалась моим лазутчиком. Что ни день ходила она в деревню, стараясь выведать намерения моих поимщиков. После докладывала мне: мол, караул снят, можешь пробраться к своему тайнику. Я даже было попытался проникнуть в кладовую моих родителей, но попыткой дело и кончилось, все двери были заперты крепко-накрепко. На душе у меня было пасмурно, когда я кружил вокруг нашего дома, не смея войти. Что было делать, беда да и только. И все же я надеялся, что родители не предадут меня в руки закона, иначе дурная слава обо мне разнесется по всему приходу и каждый начнет показывать на их дитя пальцем. Я размышлял, куда бы мне податься. Отсиживаться у торпаря я больше не мог, хоть мне и предоставили более удобные покои: теперь вместо сарая я смог перебраться в каморку на чердаке.

В один из дней посетила меня мысль примерить на себя Майино платье. Она как раз поднялась ко мне на чердак и, увидев меня, ахнула. «Боже мой! – воскликнула она. – До чего же ты красив в женском наряде!» Она кликнула родителей, чтобы поднялись на чердак и полюбовались на Лассе. Торпарь и его жена согласились, что женское платье мне к лицу. Тогда-то я и решил сменить мужское платье на женское, чтобы свободно бродить по белу свету неизвестным. Мне раздобыли женскую одежду, за которую я щедро заплатил; не менее щедро отблагодарил я и своих хозяев. У меня все еще было довольно денег, а потому я попросил собрать мне добрую котомку снеди и вышел со двора, не зная толком, куда направиться. Майя вызвалась немного меня проводить. Я проходил мимо родительского двора, и глаза мне застилали слезы: ибо не знал я, доведется ли мне когда-нибудь снова увидеть отчий дом.

Ранним утром, одетый как деревенская девушка, я направился в Эребру. Мне встретились кое-кто из наших соседей, им оказалось со мной по пути, но ни один из них меня не признал. Добравшись до Эребру, я целую неделю слонялся без дела, выдавая себя за дочь кузнеца из Бергслагена. Мне даже посчастливилось встретить в городе родителей, душа моя дрогнула, на глаза навернулись слезы, когда я оказался рядом с ними на площади. Старики меня не узнали, а я не решился себя обнаружить.

Из Эребру я двинулся в Арбугу. По пути, однако, заглянул в усадьбу одного крестьянина. Хозяева спросили, куда я держу путь, я ответил, что я работница из Бергслагена, ищу место служанки. Хозяева обрадовались, поскольку им как раз нужна была работница; так меня и наняли на работу.

Про себя я, однако ж, подумал: вот чертовщина, я ведь к женской работе не приучен. Вечером надо было доить коров, с этим я кое-как справился: молока у них было в изобилии – дергай за сосцы, делов-то; потом стали печь, и это у меня получилось; лиха беда начало – и другие женские работы осваивал я играючи. Прожил я в доме того крестьянина три месяца и служил хозяевам верой и правдой. Наступило лето – развеселая пора! Бойкая и неутомимая девушка из Бергслагена всем пришлась по нраву. В воскресные дни отправлялись мы гулять к господскому поместью и уж там отводили душу. Господа были добросердечные и не мешали нашему досугу. Поместьем владели три барышни, хохотушки и проказницы.

Однажды воскресным вечером качались мы на качелях, и барышни с нами, вдруг одна из них соскользнула с качелей и неминуемо убилась бы, не подхвати я ее за талию, упредив тем самым беду. Оправившись от испуга, она сказала:

– Боже, до чего ты сильная, прямо как мужчина! Я этого не забуду, за спасение тебе полагается награда.

Здесь же случился сынок местного заседателя; внезапно, от избытка чувств он сорвал с моих губ поцелуй.

– Фу! Сами из господ, а ведете себя, как мужлан, – возмутился я. – Хоть я и бедная девушка, но прошу впредь избавить меня от таких вольностей.

Он оправдывался, мол, не сдержал нахлынувших чувств, ибо жаждет соединиться со мной священными узами любви. Но его извинения не возымели на меня никакого действия. Воспитанные люди не начинают сватовство с непрошенных поцелуев: лишь надлежащее поведение может дать надежду заслужить сердечную склонность благонравной девицы. Мой ответ так воодушевил его, что он принялся осыпать меня подарками, которые с лихвой искупили вину за украденный поцелуй. Задержись я в тех краях на более долгий срок, не знаю, как бы я выпутался из этой оказии, особенно если учесть, что мой так называемый жених стал то и дело ко мне наведываться.

Тем временем я перебрался в господское поместье, куда меня позвали горничной при барышнях, положив достойную плату. Мой новоявленный жених провожал меня, когда я покидал двор прежних хозяев; он пожелал мне счастья на новом месте, но был глубоко опечален моим отъездом. Я пообещал, что до нашего счастливого воссоединения пройдет не больше года, и в утешение подарил ему еще один поцелуй, чтобы хоть как-то подсластить горечь разлуки.

Я ступил на новую стезю – превратился в горничную: пришлось учиться мести пол, стирать, убирать, а также раздевать и одевать барышень. Я обзавелся приличным платьем и пользовался расположением окружающих. Поистине, эта служба мало мне подходила, ибо я вынужден был присутствовать при раздевании и одевании моих господ, а стало быть, видеть то, что вовсе не предназначалось для глаз непричастного наблюдателя. Из всех моих обязанностей эта была чистая пытка! Я с трудом продержался шесть недель, да и суженый мой совершенно не оставлял меня своим вниманием. Он из лучших побуждений подарил мне сережки, чем лишний раз убедил меня в том, насколько любовь слепа, – в особенности та, что несет свои дары недолжному предмету.

В один из вечеров мне пришлось ретироваться из господских покоев, настолько я распалился при виде прелестей моих трех граций; а когда вернулся, на меня вдобавок обрушился поток самых обидных упреков. Сносить неудовольствие барышень было тем более горько, что я действительно был безупречен.

Ночью, в постели, я размышлял, не доведет ли меня это место до беды, не пора ли убраться отсюда подобра-поздорову, и чем раньше, тем лучше. Я выбрался из постели, быстро оделся, собрал все лучшее из туалетов моих хозяек и захватил кое-что еще из предметов женского обихода.

Глава VI

Возвращение в родные края. – Дружба с Майей. – Воровской налет на кладовую богатого горнозаводчика

Мне опять предстояло пуститься в дорогу, платье на мне было совершенно новое и непривычно нарядное. Преобразился я неузнаваемо – из скромной девицы превратился в бойкую мамзель². Побег из усадьбы состоялся глубокой ночью. Перед моим мысленным взором не было ни одной ясной цели, куда бы мне податься. Чужой в этих краях, без рекомендаций, – где мне было искать пристанища! Оставалось одно: вернуться в родные места. Едва начинало светать, как я прятался в лесу из страха преследования. До нашей деревни я добрался только через неделю. Поскольку мне приходилось выбирать окольные пути, я не раз плутал, сбившись с дороги. Но в конце концов впереди показался родительский дом. После всего, что я успел сотворить, мне было боязно даже проходить мимо него до наступления вечера.

Поневоле пришлось стучаться в дом к моему старому доброму торпарю, где меня в моем изящном наряде никто не узнал, даже Майя поначалу не поняла, кто я, но потом воскликнула:

– Батюшки, да никак это Лассе! Господи боже мой, до чего ты хорош собой!

Торпарь с женой были поражены не меньше дочери. Майя заявила, что мне больше не следует носить мужское платье. Словом, встретили меня радушно, хозяевам не терпелось услышать про мои приключения. Но изнуренный голодом и жаждой, я нуждался прежде всего в пище и водке, мне было не до рассказов. Последняя была добыта, причем Майя купила ее у моих же собственных родителей. На мой вопрос, вспоминают ли меня дома, мне ответили, что там решили, будто я записался в солдаты где-то в Стокгольме, однако это был всего лишь слух. Мне рассказали, что каждый раз при упоминании моего имени матушка горько плакала, и, услышав это, я тоже не сдержал слез. Не один раз я мечтал, чтобы она заключила меня в свои нежные объятия! Увы, судьба отказала мне во всем! А Майя продолжала рассказывать, что матушка после моего побега день ото дня чахла и говорила, что предпочла бы лечь в могилу, нежели увидеть меня приговоренным к наказанию и обреченным на бесчестье. Это меня опечалило. Детская любовь к матери еще жила в моем неприкаянном сердце. Я стремился к матушке всей душой. Поэтому мы с Майей в один из вечеров отправились к дому, где прошло мое детство, мне хотелось хотя бы в окне увидеть дорогой моему сердцу силуэт. Вот матушка приблизилась к окну. Мучительная тревога о блудном сыне не оставила ни кровинки на ее лице. Я с трудом подавил горестный крик: «Матушка, не проклинай своего несчастного сына!» Мне хотелось припасть к окну, я было рванулся к нему, но Майя вовремя меня остановила, и мы вернулись в дом торпаря.

С Майей стали мы самыми задушевными друзьями, и она, по ее словам, ни за что не хотела бы со мной расстаться.

Со временем волосы мои отросли, и я заказал моему славному другу-кузнецу изготовить щипцы для завивки локонов. Теперь от меня, одетого в прекрасные наряды барышень, глаз нельзя было отвести. Майю потешало, что у нее появился такой двуликий друг. Я еле сдерживал смех, когда во время прогулки мимо дома моих родителей наши работники почтительно снимали шапки при виде важной незнакомки. Мой маскарад так удался, что ни отец, ни мать не узнавали меня. Я настолько осмелел, что отправился вместе с Майей в церковь. Люди осаждали ее вопросами, кто эта нездешняя нарядная дама, что пришла вместе с ней. Майя отвечала:

– Мамзель из прихода Линде.

² ...превратился в бойкую мамзель. – Мамзель (швед. mamsell, от франц. mademoiselle – барышня) – так в Швеции называли женщин, служивших экономками в более или менее уважаемых домах.

Припасы в доме торпаря таяли. Денег я не умел беречь; однажды и они должны были подойти к концу. Мы с Майей решили двинуться в поход за провиантом в усадьбу самого богатого горнозаводчика в округе. Ради такого предприятия от наряда важной дамы пришлось отказаться и облачиться в кафтан Майиного отца, а также вооружиться заряженными пистолетами. Их я тоже прихватил из дома барышень.

Торпарь запряг лошадь, и в полночь мы выехали со двора. Кладовая горнозаводчика располагалась довольно высоко над землей, но нам удалось вынуть половую доску, и я забрался внутрь, запалил огонь и начал передавать вниз говядину и свинину, сыр и масло, копченую колбасу и прочее. Водки я так и не нашел (видать, общество трезвости тут исстари), зато взамен взял мешок муки, и нам еле удалось пропихнуть его сквозь щель в полу. Мы до того нагрузили повозку, что лошадь едва могла сдвинуть ее с места. Таким образом, обеспечив себя в избытке провизией, мы пустились в обратный путь.

Съестные припасы в доме торпаря были благополучно пополнены. Теперь торп походил на крепость, готовую к длительной осаде.

Глава VII

Золотых дел мастер. – Бегство от погони. – Благополучное возвращение

Я был не робкого десятка и каждый день сам проводил рекогносцировку на местности. Лишь только убедившись в полном отсутствии засады, отправлялся на зимние ярмарки. В одну из таких поездок меня пригласил к себе на постоялый двор золотых дел мастер, он осыпал меня самыми пылкими знаками внимания и показывал все свои сокровища: золотые безделушки и драгоценности. Вещицы мне очень нравились, но делить с ним постель мне не хотелось вовсе. Стараясь добиться моего расположения, он откупоривал одну бутылку вина за другой, но, когда его гостыя твердо заявила, что будет спать одна на единственном в комнате диване, а в ином случае поднимет крик и будет громко звать на помощь, он от меня отступился.

Я дождался, чтобы он крепко уснул, тихонько проскользнул мимо его ложа, устроенного прямо на полу, взял его кошелек и даже подержал в руках ключ от его шкатулки с драгоценностями, но обобрать этого простофилю дочиста у меня рука не поднялась. Я прокрался к лестнице, спустился в сад, но выйти из него оказалось не так-то просто. Я пытался найти хоть какую-то лазейку, но все было тщетно. У меня даже мелькнула малодушная мысль подняться наверх и вернуть кошелек на место. Погруженный в эти размышления, я заметил пешню, схватил ее, разворотил камни под воротами, выбрался вон и отряхнул прах постоялого двора от ног своих.

В кошельке, помимо золотой цепочки, оказалось пятьсот риксдалеров всех денег. Путь я продолжил со всею поспешностью: уже занимался день и за спиной у меня слышались громкие голоса. Как я узнал после, золотых дел мастер не обнаружил утром кошелька и разослал поимщиков во все стороны. А поскольку шел снег и голоса слышались совсем близко, я сообразил свернуть с дороги и перемахнуть через изгородь, за которой моих следов было уже не разглядеть. Укрытием мне стал большой валун – не лучшее прибежище. Валил густой снег, и я продрог до костей. Но это не помешало мне уснуть прямо на снегу, а когда я проснулся, оказалось, что меня с головой замело снегом. Моя снежная постель хранила тепло, как перина. Я ждал темноты, чтобы продолжить путь.

С наступлением вечера я тронулся дальше, и мне несказанно повезло: возле знакомого трактира стояла лошадь, запряженная в сани. Не мешкая, я позаимствовал и то и другое вместе с оставленным в санях суконным кафтаном. Развернув сани, я вытянул хорошенько лошадь пару раз кнутом, отблагодарив за то, что так вовремя попалась мне под руку.

Я благополучно добрался до нашего торпа. Майи дома не было, она вернулась лишь несколько дней спустя. Моя подруга бродила по ярмарке и искала меня. Все в городе судачили про украденные деньги и про некую женщину. Майя испугалась, что больше никогда меня не увидит, и, найдя меня дома, была несказанно счастлива. Мы обнялись, как брат с сестрой после долгой разлуки.

Глава VIII

Отбытие в Стокгольм. – Знакомство с квартальным надзирателем. – Новые места для экономки и служанки. – Судьба отставной мамзели

Всю зиму я осваивал женские занятия. Мне пришлось в голову отправиться весной в Стокгольм и наняться экономкой. С этой целью я обзавелся множеством красивых нарядов, приличествующих даме, привычной к хорошему обществу. У меня, правда, не было ни одного рекомендательного письма. Майя сумела разрешить это затруднение: знакомый солдат написал на красивом отпускном листке похвальный отзыв на ее имя и добавил метрику от пастора.

И вот наступил день моего отъезда. Я сложил свои пожитки и тронулся в путь. Вроде как экономка с безупречной репутацией отправилась искать места в Стокгольм. Поблагодарив за гостеприимство торпаря и его семью (хотя, к слову сказать, они всю зиму жили за мой счет), я сверх всего оставил им десять риксдалеров за оказанные мне услуги. Прощание наше было самым сердечным. Майя проводила меня до Арбуги. Старик, ее отец, довез меня до ближайшего постоянного двора, откуда мне предстояло следовать дальше уже на наемных лошадях. Майю принимали за мою служанку, потому что она обращалась ко мне не иначе, как «ваша милость». Никогда в жизни мне не оказывали таких почестей. Все извозчики, приветствуя меня, снимали шапки и получали в ответ щедрые чаевые. Нельзя сказать, чтобы я вовсе не чванился своим богатством, иные люди были бы на моем месте куда скромнее.

Дальше наш путь лежал в Феллингсбру. Извозчик высадил меня у двора небогатого крестьянина, с каковым крестьянином я уговорился, чтобы отвез нас с утра на своих лошадях несколько миль далее³, а пока решили заночевать у него. После обеда я прогуливался по его маленькому саду, что граничил с садом квартального надзирателя. Когда я гулял, господин квартальный надзиратель собственной персоной вышел из дома в сад проверить свои цветы. Он глянул в соседний сад, увидел меня и, как он впоследствии мне признался, с первого же взгляда настолько потерял голову, что подошел к забору и не мог глаз от меня отвести. Наконец квартальный набрался смелости и спросил имя прекрасной незнакомки. Незнакомка ответила, что происходит из хорошей семьи, но родители ее умерли, а она, оставшись без их поддержки, служит экономкой и сейчас направляется в Стокгольм на поиски более выгодного места. Квартальный еще более осмелел и спросил, не возьмется ли мамзель управлять его домом, ему нужен человек, на которого можно положиться, так как сам он часто бывает в разъездах и ему не на кого оставлять хозяйство. Я ответил, что моя поездка в столицу – дело решенное, ибо рассчитываю, что столичные господа положат мне жалованье повыше, а хлопот будет поменьше, чем в сельской усадьбе, где надо работать не покладая рук. В конце концов он сказал, что ему не важно, платить червонцем больше или червонцем меньше, в подчинении у меня будут четыре служанки, мне останется только приказы раздавать. Тут он узнал, что со мной едет Майя, расстаться с которой мне никак нельзя, тем более что ее родители взяли с меня слово глаз с нее не спускать, а посему бросить невинное дитя на произвол судьбы я права не имею, из чего следовало, что, если он хочет заполучить в дом опытную экономку, ему придется нанять служанкой и Майю. Он мое условие принял и посулил достойное вознаграждение. Майя могла остаться при мне, что отвечало и ее, и моему желанию. От господина квартального требовалось обеспечить нам обеим стол и жалованье, при этом единственной обязанностью Майи будет обслуживать свою госпожу.

³ ...чтобы отвез нас с утра на своих лошадях несколько миль далее... – В описываемое время и до 1889 года шведская миля равнялась 10 689 м.

Я отвел Майю в сторону и спросил, довольна ли она такой договоренностью. Майя чисто-сердечно заверила меня, что ни о чем ином, кроме как находиться рядом со мной, она и не мечтает. Единственное, что ее беспокоило, – это отсутствие у нее рекомендаций.

– Тебе-то хорошо, – сказала она. – Для тебя я бумаги выправила честь по чести, а мне, горемычной, как быть?

Я успокоил ее и научил, что отвечать, когда у нее спросят рекомендации.

– Ты пообещай тотчас их принести, а потом расплачься и скажи, что дорогой их потеряла. А я поручусь за тебя и за твою благонадежность.

Потом я обрисовал ей наше положение.

– Я прослежу, чтобы тебе платили приличное жалованье, но рассчитываю на безусловную преданность с твоей стороны, если паче чаяния выдашь меня, худо будет нам обоим. Зато со временем, может статься, обстоятельства позволят мне обнаружить мою мужскую природу и соединиться с тобой в законном супружестве, чтобы дальше жить покойно и счастливо.

Майя обняла меня и поклялась служить мне верой и правдой, а также хранить молчание.

Далее мы последовали за квартальным в его дом. Перво-наперво он отменно накормил нас, потом разговор зашел о жалованье. Мамзель поведала, что на прежнем месте ей платили сто риксдалеров, не считая дорогих подарков на праздники, а посему на меньшее она не согласится. Что до Майи, ей платили двадцать пять риксдалеров в год. Эта сумма показалась ему, однако, непомерной, мол, в здешних краях никто прислуге столько не платит. Сотню риксдалеров мамзель будет получать сполна, но платить Майе больше шестнадцати риксдалеров он наотрез отказался. Когда дело это было улажено, он перешел к предмету деликатного свойства, что можно было расценить как сватовство: дескать, мне можно и должно было почитать его добро как свое собственное и посему делить с ним все хозяйственные заботы. В своем воображении он уже нашел спутницу жизни – утешительницу и опору в трудную минуту. На мои недоуменные вопросы, как он, мужчина в расцвете лет, до сих пор не обзавелся женой, он объяснил, что лишь недавно навел порядок в своем доме, наладил хозяйство и теперь наконец готов взять в жены достойную его особы спутницу.

Он провел меня по всем покоям. Везде царил порядок. Комнаты были обставлены красивой мебелью. Да и на всем чувствовалось прикосновение заботливой руки рачительного хозяина. Будь я особа другого пола, на меня его предложение жениться произвело бы самое благоприятное впечатление; однако дела обстояли не совсем так, как виделось квартальному надзирателю. А что до пресловутых бумаг, то он их и не спросил вовсе, любовь ко мне настолько затмила ему разум, что до подобных пустяков ему и дела не было.

Наши вещи предстояло перенести из дома крестьянина, у которого мы останавливались. Когда я известил хозяев, что нанялся к их соседу, квартальному надзирателю, экономкой, а Майя станет прислуживать там же на кухне, жена крестьянина всплеснула руками.

– Бог ты мой! О чем только мамзель думала, нанимаясь к такому скряге, он лишнего куска для прислуги жалеет! – воскликнула она. – У него никто не задерживается дольше полугода. Одна мамзель удостоилась чести вести у него хозяйство аж несколько лет. Хозяин соблазнил ее, обещал жениться. А теперь прелести ее поувяли, и он, видать, надумал от нее избавиться. Бьюсь об заклад, если мамзель останется у него хотя бы на год, то окажется с прибытком, как и прежняя.

Я рассмеялся:

– Не на такую напали! А что до его жадности, так я тоже не лыком шита, враз отобью охоту скаредничать. Придется господину квартальному надзирателю смириться с тем, что пока домом распоряжаюсь я, его слуги будут есть досыта.

Тут явился малый с лошадей, посланный за мной квартальным. Мы погрузили мои вещи, и, хотя дом квартального был совсем рядом, я оценил щедрость хозяина, предоставившего мне лошадь с повозкой.

Квартальный встретил меня и проводил в нарядную комнату, объявив, что отныне та в полном моем распоряжении. Майя разместилась на кухне, вместе с другими служанками.

Вечером в мою комнату явилась бледная женщина и стала накрывать на стол. Ее лицо еще хранило следы красоты, но выглядела она замкнутой и хмурой, когда с притворной любезностью пожелала мне счастливого новоселья. Я спросил, работает ли и она тоже в этом доме.

– Работала, – ответила она. – Завтра я должна покинуть усадьбу и ее бесчестного хозяина, который отнял у меня невинность и загубил мою жизнь.

При этих словах вошел квартальный и прервал нашу беседу. Он велел женщине поторопиться, и угощение немедленно внесли, ибо уже совсем свечерело.

Глава IX

Виды квартального на новую экономку. – Спасение голодающих работников. – Попытки пробудить в квартальном надзирателе отцовские чувства

Мы были одни за столом, и разговор по большей части касался дел любовных. По окончании трапезы бессовестный квартальный сорвал у экономки поцелуй. Пришлось бросить на него такой испепеляющий взгляд, что он, покраснев, попросил прощения. Мамзель заявила ему, что он первый мужчина, кто посмел осквернить ее непорочные уста. Он умолял забыть его дерзкий поступок и дал слово, что впредь будет держать себя в руках, потом показал мне шнур от колокольчика, которым я смогу вызывать свою служанку, после чего ретировался. Я потянул за шнур, и через несколько мгновений явилась Майя.

– Ну, что ты скажешь о новом месте? – спросил я ее.

– Слуг здесь кормят так, что непонятно, как они до сих пор ног не протянули, – ответила Майя со смехом. – Я уже отведала здешней кухни. Хорошо, что у прежних хозяев впрок наелась, а не то худо бы мне пришлось. Лишнего куска у них точно не дождеешься: работники так вычищают посуду, будто век не ели. Надеюсь, когда ты приберешь к рукам хозяйство, эта диета прекратится.

– Тише ты, как бы нас не подслушали. А что вообще обо мне говорят?

– Да они только спросили, новая экономка такая же скаредная, как прежняя, или не станет работников голодом морить. Прежняя мамзель без зазрения совести урезала им порции, вообразила уже себя полноправной хозяйкой. Они надеются, что новая мамзель увеличит их довольствие хотя бы на самую малость.

– Хорошо. Теперь иди и ложись, будь осторожна, главное, не выдай нас.

Я лег в постель, но спал весьма беспокойно, меня и во сне тревожила мысль, что я взвалил на себя непосильную задачу. Но что сделано, то сделано. Мои познания в стряпне мне сейчас весьма пригодятся, а остальному научусь – глаза боятся, руки делают. Как только стало заниматься утро, хозяин отправился на охоту.

Одевшись, я покинул свою светелку и огляделся, мой взгляд привлекла кухня. Она была не заперта. В ней спала Майя с другими девушками. Тут открылась дверь другой комнаты. На пороге показалась вчерашняя мамзель, ее удивило, что я так рано уже на ногах. Она учтиво попросила меня зайти к ней и известила меня о том, что нынче же должна покинуть пределы этого дома. Я спросил, как долго она здесь прожила. Пять лет, был ответ. И за эти пять лет она родила троих детей.

– Хозяину следовало бы благодарить меня за те годы, что я берегла его покой, а он вместо благодарности, презрев бывшую любовь, выгоняет меня на улицу, голу и босу.

Экономка предостерегла меня, что с господином квартальным надо быть начеку.

– Не беспокойтесь, я умею за себя постоять, ничего у него со мной не выгорит. Я его близко к себе не подпущу.

Мы простились, я направился в кухню, Майя уже проснулась.

– Доброе утро, дитя мое, как тебе спалось? – спросил я.

– Спасибо, ваша милость, спала как убитая, – ответила Майя.

«Отлично, что ты не выходишь из роли», – мысленно одобрил я Майю. Остальные девушки встретили меня приветливо, только недоумевали, почему их милость поднялись ни свет ни заря. Пришлось объяснить, что утренний воздух обладает целебной силой, к тому же здешние окрестности радуют глаз, чего, однако, не сказать о кухне. С этими словами мамзель удалилась к себе. Квартальный вернулся с охоты, хотя еще и пяти часов утра не было. Он с порога ввалился в кухню и возвестил о своем прибытии громким рыком; мне с непривычки

подумалось, что таким окриком в самый раз будить матросов на корабле или команду им отдавать.

Весь дом пришел в движение, я позвонил в колокольчик, явилась Майя, рассказала, что шум поднял господин квартальный.

– Никак твои новые подруги страдают тугоухостью, – предположил я, – видать, без рупора их не добудиться?

Майя рассмеялась и сказала, что это не наша забота.

Тем временем явился квартальный собственной персоной. От получившей отставку мамзели он узнал, что я давно на ногах, и любезно поинтересовался, как мне спалось. Весьма довольный моим ответом, он сообщил, что ему необходимо уехать по делам, а потому он хотел бы оставить мне ключи и дать несколько наставлений по хозяйству. Мы прошли в гостиную; кроме нас, в ней находился юноша приятной наружности – приказчик. Выпивши кофею, мы отправились в кладовую, где хранилось такое изобилие съестных припасов, что я понять не мог, почему хозяин так неохотно отпускал продовольствие своей прислуге. Тем не менее он доходчиво мне объяснил, сколько хлеба в его отсутствие должно приходиться на каждую душу. Я, однако, встал на сторону прислуги и изрек расхожую истину, что людей надо кормить досыта. Такой взгляд на дело представлялся господину квартальному нецелесообразным расходом запасов. Мужчин среди прислуги не было, они разбежались из-за скудного рациона, только один торпарь ходил за лошадьми и работал во дворе. Зато он в коровнике выпивал столько молока, что хватило бы на всю прислугу. Отдав распоряжения, подлежащие неукоснительному исполнению, хозяин уехал. А его прислуга приступила к трапезе, на этот раз куда более сытной, чем он мог себе вообразить.

Пришла моя предшественница, готовая покинуть усадьбу. За руку она вела трехлетнюю девочку, двух других детей в доме видно не было. Она все еще продолжала пугать меня, предупрекая мне жалкое существование в доме квартального: мол, мой изысканный гардероб скоро износится, а что касается жалованья, на него я могу не рассчитывать, в лучшем случае буду получать грошовые подарки, если соглашусь выполнять все прихоти хозяина. На службе у квартального надзирателя она лишь загубила свои прекрасные наряды, с которыми сюда пришла, а теперь в чем есть должна отправляться на все четыре стороны. Оттого она и не видит большого греха в том, чтобы поживиться кое-чем из его добра, на преумножение коего положила столько сил; и ведь этот негодяй – отец ее детей, которых ей теперь не на что кормить и воспитывать.

После этой тирады она потребовала у меня ключ от буфета: в нем, дескать, находится принадлежащее ей серебро. Но поскольку я теперь отвечал за сохранность имущества в доме, я не мог позволить ей распоряжаться им по своему усмотрению, а потому предложил дожидаться возвращения хозяина и с ним разбираться, что кому из них принадлежит. Со своей стороны я предложил снабдить ее провизией в дорогу, но она предупредила, что моя доброта мне только боком выйдет.

Бедный ребенок начал громко звать отца, надрывая материнское сердце.

– Несчастное дитя, у тебя больше нет отца! – горестно воскликнула отставная мамзель. – Тигр относится лучше к своему детенышу, чем твой отец к собственному ребенку, выгоняя его на улицу! И хотя моей любви следовало бы обратиться в ненависть, я все равно не желаю, чтобы этого человека настигло наказание за все то зло, что он нам причинил!

Эта искренняя боль настолько тронула меня, что я стал просить ее оставить дочку в доме. Ответственность за благополучие ребенка станет моей святой обязанностью, и я сделаю все, чтобы пробудить у отца чувство долга по отношению к дочери. В конце концов после долгой душевной борьбы мамзель сдалась. Она получила из моего гардероба одну из лучших шелковых шалей и в придачу три риксдалера денег. Сперва она не хотела их брать, но после долгих препирательств мне все-таки удалось всучить их ей. Мамзель горячо поцеловала меня, потом – дочь и удалилась из дома своего теперь уже бывшего хозяина.

После обеда вернулся из поездки квартальный. Я встретил его во дворе, поздравил с благополучным прибытием, помог вылезти из коляски. Такое обхождение пришлось ему по душе, он расценил его как предвестие моей любви. Квартальный взял меня под руку и повел в сад показать, как там все устроено. После этого он перешел к подробному рассказу о заведенных в доме порядках. Для начала мы обстоятельно осмотрели кладовую. Теперь уже не торопясь, он рассказывал мне, какими правилами должна руководствоваться экономка, и тут – ах! – хватился миски с молоком, которым я сдобрил скудную трапезу прислуги. Обстоятельства пропажи выяснились, и недоразумение было улажено, по моему мнению, наилучшим образом. Я заверил его, что чем сытнее кормить работника, тем меньше он будет думать о еде, а работать будет больше и прилежнее. На этот раз спорить со мною он не стал.

Из кладовой мы отправились в гостиную, навстречу нам выбежала девочка с радостным криком: «Тятя! Тятя!» Господин квартальный нимало не разделял радости дитяти, лишь злобно спросил, неужели эта несносная особа еще не убралась отсюда. Я заверил его, что мамзель давно уехала, но ребенок нуждается в попечении отца. Прозвучавший ответ квартального в последнюю очередь был продиктован отцовскими чувствами:

– На что мне сдался ее ребенок?

Мне пришлось ответить, что заботу о благополучии и безопасности девочки мамзель возложила на меня, а если он не желает вскармливать свою плоть и кровь, у меня достанет средств содержать его дочь. Впрочем, ничто не мешает ему высчитывать из моего жалованья долю на содержание малютки. Слова мои сокрушили его дух.

– В этом нет нужды, – пробурчал он.

Итак, я приступил к ведению хозяйства, руководствуясь собственными правилами, и прислуга стала получать то, что ей причиталось, невзирая на установленный для нее хозяином полуголодный рацион. Приказчик во всем меня поддерживал, и мы при необходимости держали круговую оборону. Конечно, нередко хозяин гневался, однако стоило мне изобразить умильную мину, и буря рассеивалась. Моими стараниями он стал добрее и по отношению к дочери, особенно когда заметил, что это способствует моему к нему расположению.

Глава X

Самоуправство мамзели и приказчика. – Роковые последствия Майиной несдержанности. – Господин квартальный надзиратель замыслил недоброе

Пуще всего господин квартальный надзиратель бдел над своими запасами водки. Я же считал, что, если люди трудятся на износ, стопка водки большой беды не наделает, а потому по сговору с приказчиком в отсутствие хозяина был совершен набег на хозяйские закрома, и, продав полмеры зерна, мы закупили водки. На собственные деньги я купил кофе, чтобы иногда побаловать девушек.

Однажды квартальный потребовал выдать ему ключ от кладовой, каковой я немедленно ему предоставил. Однако показалось мне это странным, в связи с чем ноги промыслительно привели меня к кладовой. Дверь была приоткрыта, изнутри доносились голоса. Насколько я мог уловить, разговор шел обо мне и приказчике. Одна из служанок, пользовавшаяся особым доверием хозяина, доносила ему, что мамзель с приказчиком сделались закадычными друзьями и по обоюдному сговору продали хозяйское зерно, на вырученные деньги купили кофею и водки, а также замечены в прочих непотребствах. Служанка рассказала, что я хотел подкупом понудить ее к молчанию. Хозяин похвалил ее за преданность и самоотверженную службу, а также посулил щедрую награду.

Встретившись со мной, квартальный и виду не подал, что осведомлен о моих бесчинствах. Мамзель была с ним весьма любезна, но он сохранял серьезность. Зато потребовал от приказчика рассказать все о тайном сговоре между ним и мамзелью. Юноша отвечал коротко, мол, невдомек ему, о чем господин спрашивает. На том разговор тогда и кончился.

С этой поры почувствовал я со стороны хозяина заметное охлаждение. Мое доброе отношение к прислуге и беднякам пришлось ему совсем не по вкусу. Тем не менее любовь его ко мне угасла не полностью, и он неоднократно подтверждал это своим поведением, что вынуждало меня все время быть настороже.

В конце концов злая судьба моя все-таки меня настигла. Поскольку до сих пор все мне сходило с рук, я вообразил, будто мне все дозволено. С той служанкой, что доносила хозяину о моем самоуправстве, я держался надменно и обращался с ней не слишком ласково, зато Майе, безоговорочно преданной мне, я отдавал явное предпочтение даже и перед всеми остальными служанками, за что они стали ей завидовать, а меня невзлюбили.

Наступила пора жатвы, хозяин нанял много работников для уборки урожая, и решил я попотчевать их добрым пивом. За ним нужно было спуститься в подвал. Майя и та самая доносица по имени Кайса, поднимаясь из подвала по лестнице, поскользнулись и разлили бочонок пива без остатка. Вне себя от ярости схватил я метлу и начал лупить их обеих. Как же я жестоко поплатился за свою горячность!

Майя тоже вспылила и повела себя как истинная женщина.

– Лассе, проклятый вор, кем ты себя возомнил? – закричала она. – Будь проклят день, когда я надела на тебя женское платье, беглый ты прохвост!

– Как! – изумилась Кайса. – Мамзель находится в бегах?

– Да, уж, полюбуйтеся на эту распрекрасную мамзель, только штанов не хватает! – огрызнулась Майя. – Не видишь, что ли, – она переодетый мужчина.

– Вот это новость! – воскликнула Кайса.

– Только посмей кому-нибудь проговориться! – спохватилась Майя, она уже корила себя за несдержанность. – Если будешь держать язык за зубами, подарю тебе свой клетчатый платок.

Кайса пообещала.

Потом Майя пришла ко мне и попросила прощения за свой длинный язык. Она заверила меня, что ее подруга будет молчать, а я со своей стороны передал ей для Кайсы два риксдалера, чтобы не болтала лишнего.

К вечеру домой вернулся хозяин. Мне было видно, как он остановился на лугу и беседовал с девушками, собравшимися там на вечернюю дойку. Кайса, несмотря на обещание, уже успела всем разболтать наш секрет. Вечером хозяин отправил с Кайсой письмо. Я тогда еще не разгадал его намерений, встретил его, как всегда, любезно, он крепко обнял меня и сообщил, что завтра ждет гостей и его экономка должна расстараться, но угостить их отменно. После ужина он вновь заговорил о нашей помолвке, и весьма настойчиво. Так как за ужином он выпил лишнего, то прижался ко мне слишком тесно, но я оттолкнул его с такою силою, что он полетел вверх тормашками. После этого он улегся в мою постель, а мне пришлось провести ночь на диване. Я был настолько глуп, что мне и в голову не пришло, какие у него насчет меня зародились подозрения, поэтому я безмятежно проспал до утра и встал пораньше, чтобы заняться подготовкой к приему гостей. В усадьбе и в этот день было множество батраков, поскольку надо было жать рожь, а потому мне пришлось готовить завтрак и всему этому люду. Мы вновь очутились в кладовой, и хозяин завел свою песню о том, что с запасами следует обращаться бережно. А проходя мимо залы, я подслушал его разговор с Кайсой.

– Ты была у пристава? – спросил он.

– Была, – отвечала Кайса. – Господин пристав обещал прийти. Вот будет потеха, когда выяснится истинный пол мамзели! Мало того что она – мужчина, так еще и вор!

– Да-да, – согласился квартальный, – мы выведем эту госпожу на чистую воду.

Возможности сразу юркнуть к себе у меня не было, надо было спешить к жнецам. Я подал им завтрак и бросился в свою комнату, чтобы собрать кое-что из своих пожитков, – ибо оставаться в этом доме стало небезопасно.

Глава XI

Спасение бегством. – Господин квартальный надзиратель во всеоружии

Взойдя на каменистый пригорок, увидел я, что весь двор квартального заполнен самыми разными экипажами. Пристав и квартальный стояли и показывали на меня; окружавшие их гости принимали живейшее участие в беседе, речь явно шла о моей особе.

Тут я отшвырнул корзину со своим добром и бросился наутек. Чтобы скрыться в лесу, мне требовалось пробежать по широкому полю. Квартальный крикнул жнецам, чтобы они не дали мне уйти. Однако те стояли разинув рот, не понимая, чего он от них хочет. Я подобрал юбку, потому что она мешала мне бежать. Наконец я добрался до леса и смог перевести дух. Посмотреть на меня сейчас было любо-дорого: волосы растрепались, гребень потерялся, платье висело клочьями, сафьяновые туфельки изорвались, однако за пазухой имелись кое-какие деньги, за которые мне следовало благодарить своего достопочтенного господина, что так кстати завалился накануне спать на мою постель.

Отдышавшись, я снова пустился бежать, дорога проходила мимо соседнего поместья, где в саду стояли госпожа и ее экономка.

Увидев меня, они спросили испуганно, что со мной случилось, почему я в таком плачевном виде. Я ответил, что нас с хозяином ограбили разбойники. Поскольку эти дамы хорошо меня знали, то пригласили в дом. Я ответил, что времени совсем нет, поскольку мы разыскиваем грабителей по горячим следам. Тогда они дали мне платок прикрыть голову и угостили ягодами.

Простившись с ними, я бросился бежать дальше. Солнце жарило немилосердно. Меня мучила нестерпимая жажда, и я вконец обессилел. Вскоре я добрался до крестьянского хутора. Здесь я смог хоть как-то утолить жажду спелым крыжовником. Хозяев дома не было. И тут я увидел, как к дому верхом подъезжает квартальный надзиратель собственной персоной. Я притаился в кустах. Он проскакал мимо, встреча с ним добра не сулила, ибо квартальный был вооружен саблей и пистолетами, и вряд ли мне удалось бы задобрить его объятиями и поцелуями на этот раз.

Я поспешил дальше, по пути мне попался торп, я открыл окно и влез в дом. Здесь мой взгляд упал на кринку с молоком, и я наконец-то смог напиться. Посмотрев в окно, я опять увидел квартального, да еще с двумя всадниками. Я закрыл окно и заполз поглубже под кровать, чтобы меня нельзя было заметить снаружи. Троица проскакала мимо.

Я набрал с собой всякой снеди, прихватил новые сапоги, чтобы побереечь ноги, и поспешил прочь, выбирая нехоженные тропы в чаще леса. Так я дошел до моста, где увидел караул из множества людей. Пришлось вернуться в лес, от усталости я лег и уснул. Пока я спал тяжелым сном, свиньи сожрали все мои запасы. Я невольно призадумался: вчера еще прекрасная мамзель, сегодня я – всеми гонимый беглец, бессильный даже перед неразумной тварью. Предаваясь этим мыслям, я повернул назад и к утру дошел до вчерашнего торпа. Здесь я попросил воды. Хозяйка была дома одна, при виде меня она закричала:

– Вор, вор! Беглая мамзель! Она украла сапоги хозяина!

Я почел за лучшее поскорее убраться отсюда и пустился галопом прочь. Торпариха бросилась бегом по аллее, ведущей к господскому дому. Она громко звала на помощь, вокруг нее собралась толпа народу. Когда я бежал через мост, мне встретился всадник, который спросил, куда так спешит прекрасная барышня. Я ответил, что на меня напали грабители, и с этими словами помчался от него быстрее прежнего.

Оглянувшись, я увидел, что за мной гонится множество людей. Нырнув в лес, я благополучно ушел от преследователей и после этого брел весь день, не зная толком куда. По пути мне попадались незнакомые деревушки, но я уже не смел в них показаться. К вечеру я добрал

до одинокого торпа и решился зайти. На мое учтивое приветствие все находившиеся в доме ответили радушно.

– Как барышня сюда попала? – спросили они.

Я объяснил, что мне удалось убежать от грабителей, которые шесть недель держали меня в плену в Чегланских лесах. Хозяин подтвердил, что слышал, будто те края облюбовали разбойники. Он спросил, сколько их было. Я ответил, что их очень много, но бывали они в разбойничьем логове по очереди. Они похитили меня из кареты на дороге в Стокгольм. Хозяева сочувствовали моей беде. Они продали мне кое-что из еды и предоставили ночлег.

Глава XII

Возвращение в дом Майиных родителей. – Встреча с сестрами. – Визит пристава. – Горькое прощание с сестрами. – Стремительное бегство

Наутро я попросил показать мне, в какой стороне мой дом, и шел всю неделю, пока не увидел дом своих родителей. Я снова вернулся в семью торпаря. Хозяйка чрезвычайно удивилась моему изорванному платью и помятому виду. Она спросила, откуда я пришел и что стало с Майей. Я рассказал, что из-за Майиногo длинного языка мне пришлось спастись бегством, бросив все свое добро. Ее же, скорее всего, арестовали. Майина мать так разгневалась, что пообещала, как только доберется до дочери, так ее угостить, что у Майи навсегда пропадет желание распускать язык.

Подкрепившись, я спросил, как поживают мои родители и братья с сестрами. Торпариха ответила, что они живут не тужат и по-прежнему считают, будто я нанялся в Стокгольме на военную службу.

Тем временем с работы вернулся хозяин. Он выпил пару стопок водки и выслушал рассказ о моих невзгодах, который принял близко к сердцу, особенно опечалившись тем, что виною всему явилась его родная дочь. Также родителей тревожило, что, если Майю арестовали, она выложит про меня все, и оставаться у них в доме для меня будет рискованно. Я постарался заверить их, что на такую черную неблагодарность их дочь не способна и не захочет навлечь беду на своих старых родителей, но сам уже не доверял ей, как прежде.

Мою разорванную одежду быстро починили, купили мне пару новых башмаков, а еще гребень; завили мне локоны, и я снова выглядел хоть куда.

Но меня ожидал еще один сюрприз. Старуха привела в их дом обеих моих сестриц. От неожиданности я чуть не выскочил в окно. Старуха безо всякой задней мысли спросила их, узнают ли они эту важную даму, обе ответили, что никогда ее раньше не видели.

– А вы присмотритесь к ней получше, – сказала старуха. – Это же ваш родной брат!

Младшая сестра взглядела в мое лицо да как воскликнет:

– Господи боже мой, это же Лассе! Чего это ты так вырядился? Где ты пропадал? Что с тобой было? – сыпала она вопросами без остановки.

Я поведал им свою историю, хотя и не всегда придерживался правды, а рассказывал только то, что годилось для их ушей. Под конец они спросили, не хочу ли я пойти вместе с ними домой к родителям. Это было последнее, чего я хотел, и я попросил их не рассказывать никому, что я здесь, а про себя решил как можно скорее бежать из нашего прихода и податься в Стокгольм. Сестрицы никак не могли привыкнуть к моему женскому облику, они спрашивали, почему я хожу в таком виде, а не надену одежду, которую пристало носить мужчине. И услышали в ответ, что в женском платье легче странствовать, так как с женщинами обращаются любезнее, чем с мужчинами.

Такое объяснение им не понравилось, они сравнили меня с волком в овечьей шкуре. Сестрицы вызвались помочь мне, ежели я решу сменить свой маскарад на подходящее облачение. Я обещал им, что обязательно переоденусь в мужское платье, хотя заведомо знал, что не сдержу своего слова.

Ночью они принесли мне еды из дома, а еще и прихватили кое-что из моей одежды. И я даже ее примерил. Но подумать только! Оказалось, что за свое недолгое странствие я сильно вырос и все вещи сделались мне малы.

По этой причине пришлось купить одежду у торпаря, которая была мне и велика, и совершенно не подходила такому кавалеру, как я. Однако сестрицам было приятно увидеть меня в приличествующей мне мужской одежде, они даже пожелали немедленно сжечь мой нелепый женский наряд.

Надо отдать должное моим сестрам, они выполнили обещанное и сохранили в тайне от родителей мое возвращение, более того, они не уведомили никого в нашем доме о том, что я неподалеку, так как работники сильно на меня серчали из-за кражи; они хоть и не были к ней причастны, подозрение пало и на них.

Я прожил еще несколько дней в доме торпаря, желая отдохнуть после всех моих перипетий. Денег у меня хватало, и хозяева исправно мне прислуживали. Но кое-какую часть моего капитала следовало приберечь на дорогу в Стокгольм. Серьги, которые были у меня в ушах, я отдал старшей сестрице, пообещав и младшую не обидеть, буде выдастся удобный случай.

Как-то вечером сестрицы пришли перепуганные и рассказали, что в наш дом пристав: дескать, выдано ему предписание от вышестоящего начальства выследить Ларса Мулина, который, по слухам, прячется в здешних краях и может быть одет в женское платье. «Ага! – подумал я. – Пора убираться отсюда, пока цел». Я предупредил сестер, что нынче же ночью меня здесь уже не будет. Сестры приготовили мне в дорогу полный мешок еды и простились со мной, обливаясь горькими слезами, не зная, увидят ли меня еще когда-нибудь живым. Глубоко тронутый, я крепко обнял их, и мы расстались.

Глава XIII

Путь в неизвестность в мужском обличье. – Ограбление усадьбы. – Кража лошади. – Отплытие на яхте из Арбуги в Стокгольм

На ночь глядя отправился я в путь и успел до рассвета отмахать две мили. Когда стало светать, я забрел в лес, перекусил из мешка тем, что мне приготовили сестры, и решил переждать здесь день. Без надлежащего документа меня легко могли взять под стражу, впрочем, и в лесу оставаться было тоже небезопасно.

Итак, я пустился дальше, одетый что твой погонщик быков: в голубом деревенском кафтане, с мешком провизии за спиной и с волосами, свисающими вдоль щек. За весь день я ни с кем словом не перемолвился и никуда не заходил. В этих батрацких доспехах я чувствовал себя не в своей тарелке.

На следующую ночь забрел я в господское имение, огляделся: двери в доме оказались заперты, на небе сияла луна, и все видно было как на ладони. Мне удалось-таки найти флигель с разбитым окном. Я сунул руку в дыру, нащупал крюки и откинул их, после открыл оконные створки и влез внутрь. По стенам висела мужская одежда весьма авантажного вида. Собрал я все, что мне приглянулось, и выкинул в окно. Другие предметы, которые привлекли мой взгляд, полетели вслед за одеждой.

Тут взору моему явилась дверь, из которой торчал ключ. Я тихо приоткрыл ее, за ней была темнота, так как окна были наглухо зашторены. В комнате спал человек и громко храпел. На стене тикали карманные часы; я бесшумно подкрался к постели, схватил часы, опустил в карман, выскользнул из комнаты, снова запер дверь на ключ и в один миг выпрыгнул из окна. Оказавшись на земле, я выбрал из одежды то, что мне больше всего понравилось, а прочее так и оставил лежать под окном. Отойдя на некоторое расстояние, я разделся и вместо прежнего убогого наряда надел фрак, сюртук, плащ, великолепную английскую шляпу, щегольские штаны и блестящие сапоги, и, таким образом, из деревенщины я мгновенно превратился в барина.

На лугу паслась лошадь, она пришлась мне очень кстати, так как могла значительно ускорить мое передвижение. К утру я успел отъехать на несколько миль от усадьбы и отпустил лошадь на волю, а сам зашел в лесную чащу и лег отдохнуть: после двух суток бодрствования отдых был мне необходим. Я рассмотрел украденные часы, они оказались золотые, и повесил мешок с едой на дерево, опасаясь четвероногих воришек. Весь день я крепко проспал, никто меня не беспокоил.

Ближе к вечеру я продолжил путь и, прошагав всю ночь, ранним утром добрался до Арбуги. Первым делом я нашел лавку, где купил черную шелковую ленту и завязал ею волосы, потом стал расспрашивать, какое судно отправляется в ближайшее время в Стокгольм. Мне ответили, что туда вот-вот выйдет одна яхта. Я поспешил договориться с капитаном, чтобы он взял меня на борт. Расположение капитана было подкреплено чашею пунша, который мы употребили вдвоем. На борту находились пассажиры обоего пола, старые и молодые, а потому я послал за водкой и вином, чтобы угощать попутчиков. Всем им полюбился молодой и щедрый господин.

Глава XIV

*Прибытие в Стокгольм и знакомство с большим городом. – Лисетт дает мне приют. – Развеселая столичная жизнь опустошила мой кошелек. – Две подружки отправились на ловлю удачи. – Незадачливый капитан. – Деревянный конь и Медный Матте на Паккарторгет*⁴

Мы шли под парусом, ветер был попутный, и за двое суток добрались до таможенной заставы на Лонгхольмене. Я впервые увидел большой город, куда так часто стремился в своих мечтах. Морская болезнь до того меня истрепала, что я вынужден был весь день оставаться в каюте. К вечеру, однако, я сошел на землю, отыскал аптеку, купил там капли от моего недуга и вновь почувствовал себя здоровым. На следующее утро я сыскал себе провожатого, который показал мне достопримечательности столицы. Все, что я видел, приводило меня в восхищение. Особенно я пленился гвардейцами в сверкающих мундирах, что под громкие звуки бра-вурной музыки выходили на плац у королевского дворца. Будь моя воля, я бы там простоял целую вечность. Посреди столичного гама моя неискушенная деревенская голова пошла кругом. Одна за другой двигались большие коляски, крестьянские подводы, телеги с пивными бочками, повозки зеленщиков и молочниц. Пешеходы сновали туда-сюда, как рыбы косяки. Одурев от городского шума и грохота, вернулся я на яхту, поскольку о другом пристанище я, чужак в этом городе, не имевший документов, не мог и помыслить. По своей простоте не решался я сойти на берег до наступления темноты и наверняка с той же яхтой уплыл бы обратно, если бы не посчастливилось мне встретить участливую душу, которая помогла мне в моем затруднительном положении.

А произошло это так. В один из дней на наше судно поднялась женщина, как раз в ту пору, когда я паковал свои пожитки, собираясь в обратный путь. Женщина заговорила со мной, спросила, как меня зовут. Я представился сыном горнозаводчика, мол, собирался провести время в Стокгольме, но очутился здесь в первый раз, никого не зная и не умея найти квартиру, поэтому вынужден жить на борту яхты. Выслушав меня, незнакомка спросила, а что, если бы она предложила мне пожить у нее. Она пообещала уладить это дело с хозяином дома, и я с радостью принял ее предложение.

Женщина, звали ее Лисетт, взяла меня под руку, и мы отправились к ней в переулок Скоттгрэнд, где она нанимала очень уютную комнату в верхнем этаже. Поскольку в комнате была всего одна кровать, я спросил, нельзя ли попросить у хозяина еще одну. Моя новая знакомая сказала, что это дельная мысль, после чего поцеловала меня, и я бы покривил душой, если бы сказал, что ее поцелуй не доставил мне удовольствия. Очень скоро мы прониклись взаимной симпатией, и между нами установились самые доверительные отношения. На столе появилось вино и другие освежающие напитки, к нашему маленькому празднику присоединился хозяин дома. Он вовсе не возражал против того, чтобы его постоялица поселила у себя земляка, который ненадолго приехал в Стокгольм. Он велел принести дополнительную кровать и записал мое имя. Мы договорились о цене. После чего явилась добрая чаша с пуншем, которую я, хозяин и Лисетт осушили в знак дружбы. К этому времени с яхты доставили мои пожитки.

Таким образом, вопрос с моим пристанищем был решен. И мы зажили в свое удовольствие. Каждый день мы совершали то прогулки, то увеселительные поездки, и, пока хватало моих денег, жизнь наша была сплошной чередой удовольствий. Одно меня удивляло: часто

⁴ *Деревянный конь и Медный Матте на Паккарторгет*. – Деревянный конь – орудие наказания для правонарушителей, в том числе для извозчиков, непомерно завышавших плату за извоз. Виноватого заставляли сидеть на спине коня – острой доске, что было мучительно; для усиления эффекта к ногам привязывали груз; Медный Матте – бронзовая фигура, установленная на верхушке позорного столба, у которого секли правонарушителей; Паккарторгет – прежнее название стокгольмской площади Норрмальмсторг.

по вечерам в нашу дверь стучались какие-то люди, но Лисетт никогда не открывала. Моя касса стремительно таяла, и однажды мои золотые часы отправились к ростовщику, который немедленно ссудил меня шестьюдесятью риксдалерами. Однако денег этих хватило ненадолго, поскольку мы купили украшения для моей возлюбленной, да и мне кое-что из белья и туалетных принадлежностей.

Пролетело восемь дней, и от наших денег ничего не осталось. Тем временем моя подруга написала моим родителям, прося за меня не беспокоиться, ибо сын их пребывает в добром здравии. Надо признать, что ее отношение ко мне было проникнуто нежностью и преданностью. Когда мои денежки закончились, Лисетт делилась со мной всем, что ей удавалось раздобыть, правда, она высказала пожелание, чтобы вечера я проводил вне дома в силу определенных причин. Из ее посетителей особенно к ней щедры бывали молодые кавалеры. Но, поскольку удача в таких делах непостоянна, скоро мы снова оказались на мели.

Наступил день, когда ей ничего не оставалось, как заложить два своих платья. Тогда я взял одно из них и сказал:

– Сейчас ты увидишь волшебное превращение.

С ее помощью я переоделся, она заплела мои длинные волосы в косы, а когда закончила, объявила, что я необычайно красив. Она тоже приделась, мы напмадили волосы, сбрызнули себя душистой водой и под ручку отправились на поиски удачи. Мы успели дойти до моста Шепсбрун, когда нам повстречался господин, явно возвращавшийся из храма Бахуса. Он разомкнул наши руки, взял под локоток каждую из нас и спросил, не хотим ли мы составить ему компанию. Я любопытствовал, куда он нас приглашает. Он ответил, что его корабль стоит в проливе.

– Ну уж нет! – воскликнула Лисетт. – Только не на море.

Я ущипнул ее за руку, чтобы замолчала.

– А далеко ли он? – спросил я незнакомца.

– У Юргорденских верфей, – ответил он и поцеловал меня.

Ялик его был привязан к мосткам у берега. В нем он хотел доставить нас на корабль, а после переправить обратно на берег. Я сказал, что мы готовы составить ему компанию, если только он будет вести себя подобающим образом. Он несколько раз громко кликнул некоего Матте, каковой, однако, на зов не явился.

– Мы не намерены ждать здесь всю ночь, – сказал я.

Он обнял меня и отвел нас к ялику, всего лишь пару раз высказавшись о Матте, который куда-то запропастился вместо того, чтобы дожидаться хозяина, весьма уничижительно. Потом сел на весла и стал грести, постоянно сбиваясь с курса, из-за чего нам казалось, что мы никогда не доплывем до места. Наконец он подгрел к кораблю. Судно вздымалось над водой так высоко, что моя подруга испугалась подниматься на борт. Однако капитан помог нам, и мы благополучно оказались на палубе. На борту не было ни души.

Капитан спустился в каюту, зажег лампу и помог нам спуститься следом за ним. *Pro grimo*⁵ он подкрепился изрядной порцией горячительного, чтобы восстановить силы после тяжелой работы веслами. Потом появилась бутылка вина, которым он стал угощать нас. Он одарил меня еще одним поцелуем и пожелал, чтобы прелестная барышня поделила с ним ложе. Я сделал вид, что хочу приглушить свет, и, пока я возился с лампой, хозяин корабля, изрядно пьяный, крепко уснул.

Я кинулся к шкатулке, которую заметил на столе; Лисетт схватила двое карманных часов и кошелек, потом мы на ощупь, в темноте, пустились в обратный путь. К счастью, я сразу нашел ялик. Моя возлюбленная привязала к канату, найденному на палубе, шкатулку и спустила ее в ялик; потом я помог и ей самой спуститься с корабля.

⁵ Для начала (*лат.*).

Темень была непроглядная, грести ни я, ни Лисетт не умели, хотя и старались изо всех сил. Наш ялик без должного управления заносило то в одну, то в другую сторону, наконец нас прибило к чьему-то саду, но только мы ступили на берег, как вынуждены были тут же броситься обратно, поскольку к нам стремительно мчались два огромных пса, желая нас разорвать. Мы снова качались на волнах, нам было слышно, как с пожарной каланчи выкрикивают время, видели городские огни и в конце концов добрались до острова Шеппсхольмен⁶, где нас окликнул часовой. Мы ничего не ответили и поспешили уплыть прочь. Потом мы зашли в гавань Ньюбрухамнен, там у берега в одной из лодок лежал топор, и мы взяли его с собой.

Наконец мы смогли разобраться, где находимся, и проплыли под мостом Ньюбрун мимо площади Паккарторгет. Там мы разбили шкатулку, в ней оказались деньги и драгоценности. Забрав из нее все, что сочли ценным, мы заполнили ее камнями и утопили.

Теперь мы сошли на берег, бросив ялик. Светало. Проходя через Паккарторгет, я впервые увидел Деревянного коня и спросил, что это за фигура. Лисетт объяснила мне, что на деревянном коне гарцуют извозчики, берущие с ездовых плату сверх установленной цены. Потом я увидел мужскую фигуру с пучком розог в поднятой руке; подруга объяснила, что это Медный Матте, он наказывает воров и мошенников. «Боюсь, далеко не всех из этих почтенных господ удостаивает он своим вниманием», – сказал я. Лисетт рассмеялась, но попросила все же быть осторожнее.

⁶ ...добрались до острова Шеппсхольмен... – Шеппсхольмен (швед. «Корабельный остров») – один из 14 островов, на которых расположен Стокгольм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.